

ШАБА 1

До Нового года оставалось чуть меньше двух недель. Судорожные метания по магазинам в поисках до сих пор не купленных подарков и необходимых к торжеству продуктов грозили перерасти во вселенскую катастрофу. Каждый вечер город застывал в многокилометровых пробках. Некоторые, оставляя машины на стоянках, предпочитали городской транспорт или метро. Стоя плотными рядами в вагонах и автобусах, люди задыхались от запахов чужого пота, мокрой шерсти вязаных шапок, пропитанных влагой перьевых курток и промокших кожаных ботинок и сапог. И это было не меньшим испытанием, чем невроз в собственной машине, прочно застывшей у чужих задних фонарей.

И то, и другое было скверно. Это портило настроение, подтачивало здоровье, грозило обесценить главный праздник в году.

Люди сердились на городские власти, расположившие торговые центры не там, где надо, на погоду, засыпавшую город снегом. Колеса утопали в бурой каше, машину таскало, стекла и зеркала покрывались коркой, и «незамерзайка» уходила ведрами.

Люди сердились на цены, взвившиеся в канун праздника. На продавцов, смотревших недобро. На других покупателей, выхвативших из-под носа тот самый последний недорогой, но достойный, по отзывам, блендер, который пошел бы в подарок двоюродной сестре твоей девушки.

Люди сердились друг на друга: на мужей и жен, сестер, братьев, детей и тец со свекровьями. Они суетливо перемещались в огромном человеческом муравейнике, затаптывая своей беготней самое важное, бесценное — предвкушение таинства.

Он ничего такого не делал: не бегал, не выхватывал из чужих рук, не сердился, не стоял часами в пробках, не нюхал мокрых шарфов и курток. Он гулял, наблюдал, ждал. И был от этого счастлив.

Он везде перемещался пешком, особенно в последние дни. Он шел в парк, раскинувшийся в паре километров от его дома. Ходил по расчищенным дорожкам. Подолгу смотрел на елки. Под толщей снега еловые лапы отяжелели и безвольно повисли. Деревья напоминали ему старых баб с обреченно опущенными руками и никогда не казались ему красивыми.

Такой была при жизни его мать — уставшей, унылой, безвольной, некрасивой. Она не хотела и не пыталась бороться никогда и ни с чем. Она позволила своему бывшему мужу — мерзкому, жесткому, лишенному любых человеческих достоинств чудовищу — забрать его у нее. Единственного ребенка, смысл ее жизни, единственное существо на земле, которое ее по-настоящему любило.

— Прости, миленький, — шептала она сквозь слезы в дни редких свиданий с сыном. — Про-

• *Без крестной феи* •

сти меня. Тебе с ним будет лучше. Он даст тебе достойную жизнь. Он даст тебе образование. Ты вырастешь, станешь достойным человеком. И когда-нибудь сможешь простить меня...

Он так ее и не простил — не успел. Мать умерла: от болезней, одиночества, нищеты. Она не пыталась бороться со всем этим: как следует лечиться, найти себе кого-нибудь, устроиться на достойную работу. Она жила, как насекомое, и все ждала, что придет кто-нибудь сильный и прихлопнет ее, уничтожив ее бесполезную, никчемную жизнь.

— Твоя мать издохла от голода, — сообщил ему папаша за воскресным обедом.

Походя, как бы между прочим. Жрал огромный ростбиф с запеченными овощами, чавкал и говорил в этот момент о ее смерти. Голодной смерти!

— А знаешь почему? — спросил папаша и поднял на него тяжелый взгляд ледяных змеиных глаз.

Его щека была раздута, а за ней — огромный кусок мяса и целый кочанчик цветной капусты.

— Потому что не ела, — ответил он, пристально глядя на раздувшуюся щеку отца.

— Не, потому что дура. — И он продолжил жевать, набивая толстый живот продуктами, которых матери не хватило, чтобы выжить. — Была бы умная, попросила бы помощи. Нашла бы работу. Я бы помог. А она дура, потому что гордая. Вот в гордости своей и сдохла. И кому, скажи, от этого хорошо?

— Никому, — ответил он, задумавшись.

Ему лично от этого было уже никак. Мать на тот период совсем перестала с ним видаться.

— Так будет лучше, дорогой, — сообщила она ему пару лет назад по телефону.

Мать не уточнила кому, но понял, что всем. Ей не придется хлопотать и добиваться свиданий с сыном, а перед этим тщательно приводить себя в порядок. Его отцу — делать вид, что он рад встрече матери и сына. Ему самому — изображать сыновнюю любовь. На тот момент он совершенно охладел к матери...

Он везде в последние дни ходил пешком. Перемещаться на машине не было никакой возможности, а ездить общественным транспортом он не любил. Сейчас его выручали ноги и длительные тренировки, которые его отец проводил с младых ногтей. Поначалу для него это было пыткой, а потом втянулся и сейчас уже без этого не мог.

Он преодолел достаточно большое расстояние от стоянки, где оставлял машину, до торгового центра в рекордно короткое время и даже не запыхался. Лишь приобрел красивый румянец и понравился себе в зеркале гардеробной, куда сдавал спортивную куртку и шапку.

— Возьмите номерок, пожалуйста.

Молоденькая девушка с изможденным серым лицом протянула ему кусок пластика с выбитой цифрой и тут же потянулась за одеждой других посетителей торгового центра. Он отошел в сторону, но еще минуты три наблюдал за гардеробщицей.

Что заставило ее в неполные двадцать лет работать именно здесь? Неумение устроиться в жизни? Или нежелание? Не поступила в институт и боится признаться родителям? И тягает теперь чужую мокрую от снега одежду, тащит ее от стойки до вешалок, аккуратно развешивает на плечиках.

• *Без крестной феи* •

Старательная? Да, даже очень. Влажные от снега куртки вешает отдельно от меховых полушубков и светлых пальто. Но почему она именно здесь нашла применение своей аккуратности и старательности? И откуда такой землистый цвет лица? Болеет? Недосыпает? Недоедает?

Стоило ему подумать об этом, как сразу затошнило, а потом на смену тошноте пришел зверский аппетит. Он отошел от гардеробной метров на десять и остановился возле колонны, облицованной зеркалами.

«Он хорош?» — задался вопросом, рассматривая себя с ног до головы.

Ответ родился сам собой: «Он великолепен».

Высокий, гибкий. Мышцы играют при каждом его шаге, но не той тяжеловесностью, как у качков, а упругой скрытой силой. Он мог бы с легкостью, стоя у подножия эскалатора, запрыгнуть почти на середину, даже не напрягаясь. Единственное, что потребовалось бы, — точка опоры.

Точка опоры..

Ее ему не хватало, это факт. И не о спорте речь. О жизни.

Мать его отдала, решив за всех: кому будет лучше, с кем и как долго. Папаша этим «лучше» так и не стал. Муштровал его изо всех сил. Детство прошло, как на плацу. К чему готовил, так и не сказал: скончался от сердечного приступа прямо на фирме. Завещал все ему, хотя и грозился неоднократно, что найдет каких-то там племянников, они его дело и продолжат. Чувствовал, старый козел, что он не станет его преемником в бизнесе. Понимал: ему это неинтересно.

— Все спустишь, гаденыш. Знаю. Вижу по глазам, что неинтересны тебе никакие грузоперевозки...

Конечно нет. Неинтересны. Он продал бизнес отца сразу. Как вступил в права наследования, так на второй день и продал. Выгодно, очень выгодно! И хорошо распорядился средствами. Живет теперь обеспеченно, не особенно заботясь о завтрашнем дне. Знал: он безбеден и не голоден — завтрашний день. И долгие годы будет так. Никто не посмеет посягнуть, потому что все было сделано грамотно.

Все у него замечательно. Но вот точки опоры, той самой, о которой пишут, слагают вирши и песни, у него нет.

— Жениться вам надо, барин, — посмеялся вчера над его скукой начальник охраны. — Иначе никак...

А на ком? На ком жениться? Кругом одни шлюхи алчные, неверные, избалованные. Или безвольные, голодные, с серыми замученными лицами, как у гардеробщицы. Он обернулся, искал ее лицо глазами, но за спинами желающих сдать верхнюю одежду не увидел. Народу было много, очень много. И это хорошо. Самое время для поисков. Самое время. Но для начала надо поесть.

Он не стал присаживаться за столик, а просто встал у колонны и начал жадно откусывать от булочки с котлетой. Под котлету он позволил положить только лист салата, и все: никаких соусов, огурцов или лука. Это лишнее.

Еда была невкусной, но она позволит ему не ощущать голода в течение двух-трех часов. И место он выбрал самое удобное. Мимо проходили де-

• *Без крестной феи* •

сятки мужчин и женщин всех возрастов, не обращающая на него внимания. Стоит себе чудак, давится булкой, смотрит рассеянно по сторонам. Они не подозревали, что рассеянность эта была наигранной, усыпляющей бдительность. На самом деле он был собран и внимателен, как пантера перед прыжком. Конечно, он не собирался ни на кого здесь нападать, хотя никчемность бытия многих проходящих мимо была очевидна. Но не убивать же за то, что кто-то некрасив или толст, разнуздан или занудлив. Мир тогда бы дико поредел, да.

Он доел, скомкал салфетку, вытер рот и пальцы. Понес ее к урне и...

И тут он увидел ее!

Девушка, собравшая в себе множество достоинств, шла прямо на него и разговаривала по телефону. Он замер с промасленной салфеткой в руке. Она должна была — просто обязана — натолкнуться на него: он стоял у нее на пути. Слева колонна, справа встречный поток людской массы, сожравшей свою порцию невкусных булок с котлетами и всяким наполняющим дерьмом. Она должна была натолкнуться на него, поймать его взгляд, смутиться, извиниться или рассердиться. Все равно. Но она...

Она неожиданно остановилась, повернулась к нему спиной и проговорила вполне отчетливо:

— Вижу тебя, вижу, милый.

Ее свободная от телефона рука поднялась, пальцы нежно шевельнулись, привлекая внимание мужчины, неспешной походкой сокращающего расстояние между ними.

«Урод! — подумал он тут же. — К такой девушке надо мчаться сломя голову. К ней надо ехать, бежать, лететь, ползти на коленях, а не шаркать подошвами по грязным плиткам торгового центра. Не делать вид, что она тебе безразлична, ты от нее устал, готов бросить, отдать кому-то и сообщить ей об этом прямо сейчас».

Ничего такого он ей не сообщил — ее милый. Он добрел до нее, лениво скользнул губами по ее щеке, пробормотал:

— Приветик, роднуля.

И повел ее к кассе, где продавали чертовы булки.

Он встал за ними в очередь и задрал голову к меню, не зная, что еще взять. Он утолил голод. Десертов не любил. Брать еду, чтобы потом ее выбрасывать, не терпел. Его мать умерла от голода — он об этом помнил всегда.

— Что будешь? — спросил ее мужчина с ленивой походкой и ленивой манерой целоваться.

— Салат. Чай. Как всегда. Ты же знаешь. Зачем спрашивать?

Ее высокий лоб пошел морщинками. А он подумал, что слишком много слов в ее ответе. Достаточно было двух: салат, чай.

— Ты сказала, что голодна.

Мужчина повернул лицо к самой прекрасной девушке на земле и посмотрел холодно и сдержанно.

— Вызвала меня сюда. Сказала, что голодна.

— Ну да. А что такое? — Ее густые ресницы взлетели, взгляд сделался настороженным. — Какие-то проблемы, Андрей?

• *Без крестной феи* •

— Проблемы, черт побери, в том, что я тащил-ся по пробкам в этот торговый центр только для того, чтобы ты съела салат и чай! В этой... — Он повел рукой вокруг себя и с тихим шипением закончил: — Забегаловке.

Андрей замолчал, кожа на скулах натянулась. Глаза сузились, когда он ее рассматривал, а потом допрос продолжился.

— Ты не могла приехать ко мне? Мы бы пообедали в приличном месте. И салат там был бы другого качества. И чай! Я бы смог поработать лишние полтора часа, а не торчать в гребаной пробке только ради того, чтобы ты... Съела... Салат... Здесь... Почему, Александра?! Почему здесь и сейчас?

Она молчала, кусая губы. Глаза медленно заволакивало слезами.

— Ты не помнишь? — мотнула она головой. — Ты забыл!

— О чем?

— О том, что сегодня десять лет, как мы с тобой познакомились. Именно здесь. В этой, как ты изволишь выражаться, забегаловке. Я взяла салат и чай. А ты...

— А я, мать твою, устал от твоих вечных причуд! От поводов что-то отметить. Приурочить дату. Обвешаться воспоминаниями, как новогодняя елка шарами. Я устал от всего этого дерьма, Александра, — произнес мужчина злой скороговоркой.

И тут же, улыбнувшись кассирше, принялся делать заказ.

Что имеем — не храним, потерявши — плачем. Эта мудрость так неожиданно посетила его сознание, что он тут же понял: он знает, что будет даль-

ше. Не у него — нет. У этих двоих. И совершенно точно сегодняшний день, ставший десять лет назад днем их знакомства, станет новой датой. Новой. Уже сегодня.

ШАВА 2

— Валечка, ты забыл бутерброды! — громко крикнула из кухни жена, когда он уже обувался. — Погоди...

Ее голые ступни звонко застучали по полу — Надюша бежала к нему, в руке пакет с бутербродами. Это было кстати и некстати. Да, он уезжает на место преступления и, скорее всего, пробудет там достаточно долго. Это за городом, где-то в лесу, на лыжне. Поблизости нет магазинов и пунктов общественного питания, и бутерброды пригодились бы. Но...

Будет он там не один, а с целой группой. Не жевать же на глазах у коллег, таких же голодных и продрогших! Он мог бы поделиться с ними, если бы бутербродов было больше. Но их три, всегда только три. Один с сыром. Один с колбасой. Один с ветчиной. И если бы представилась возможность с кем-то поделиться, он бы не знал, что выбрать себе: одинаково любил все. Поэтому бутерброды останутся лежать в машине до его возвращения. Он проглотит их на стоянке, перед тем как пойти домой.

Но Наде знать об этом было необязательно. Это ее обидит, заставит чувствовать себя бесполезной. Допустить подобное Валентин Горелов не мог. Он был благороден и немножечко, совсем чуть-чуть,

• *Без крестной феи* •

гордился своим благородством. А еще он очень любил свою жену. И жалел. Особенно после того, как она не смогла выносить их долгожданного ребенка и вдобавок обзавелась диагнозом, приговорившим все их мечты.

— Спасибо, любимая. — Горелов взял в руки довольно увесистый сверток и удивился. — Что-то много тут. Не находишь?

— Это на всех, Валечка. — Она смущенно улыбнулась. — Ты же там будешь не один. Я как-то раньше не думала, извини. Неприлично жевать в одиночку, когда другие смотрят.

— Ты моя хорошая. — В горле сдавило от нежности. — Иди сюда...

Они обнялись и расцеловались. Потом он взял с нее обещание не скучать. Пообещал звонить хотя бы один раз в три часа. Искренне удивился, когда она спросила разрешения пригласить на празднование Нового года свою маму, и так же искренне проговорил:

— Ну, конечно. О чем разговор? Валентина Ивановна — душа компании.

Он несколько не кривил душой. В мужской компании никогда не подхватывал заезженных тем о зловных тещах и анекдотов о них не любил. Его теща была исключительной женщиной.

— Валечка, только такое дело... — Надюша принялась водить голой ступней по полу. — Она придет не одна, можно?

— Так-так-так. — Он глянул заинтересованно. — А с кем?

— Один ее старый знакомый. Военный. Вышел в отставку и вернулся откуда-то с северов. У них там что-то намечается. Роман! — Надя скорбно под-